

Усыновление Кипплинга

Издательство «Радуга» выпустило трехтомник знаменитого английского писателя

Как-то говорили с Межировым о любимой нами таинственной Индии, неизбежно и о Кипплинге, единственном европейском писателе, что-то сумевшем в ней понять... Александр Петрович вдруг сказал: «Вот глядите: напишет он ничтожный рассказ о том, как британский солдат поссорился с командиром, сел на слона, пропал в джунглях и провел ночь в тигриной яме, и это — мировая литература...» Новый трехтомник с профилем пронизательно-иронического очкастого британца быстро расхватили, я смог добыть его только в третьем крупном магазине. Конечно, это не весь еще Кипплинг и даже не все, выходявшее в России. И все-таки, кажется, наиболее полное его собрание.

Кипплинг принадлежит к немногим великим писателям, на равном уровне сочинявшим и прозу, и стихи. Поэзия переводится с большим трудом, я вообще плохо верю в ее «переводимость». И все же баллады «русского Кипплинга» существуют уже десятилетия. Присутствуют, вопреки советской неприязни к этому автору (довольно долго позволялась только детская книжка о Маутли). В новейшие, вольные времена появилось много переводов. И все же, я думаю, основные успехи относятся к эпохе, когда была сильна инерция Серебряного века. Здесь первым делом надо назвать удивительную девушку из переводческой студии Гумилева и Чуковского, восхитительную Аду Оношквич-Яцыну. Пехотные колонны, шагающие все по той же Африке и знающие, что отпуска нет на войне. Так и шагают.

Кипплинговский рефрен изменен, вместо сапог — пыль, но видны и густо покрытые ею сапоги. Мы вдохнули невыносимо-жгучий запах пустыни — и совершилось чудо перевоплощения... Вот «Мандалай» и — то же стихотворение, названное «Мандалей», помещено в комментарии. Хорошо, что есть оба: перевод И. Грингольца добротен, обстоятельно точен, выверен... Но старое переложение Полонской — сама поэзия. Моя бы воля, поменял их места.

Гениальная «Мери Глостер» в переводе А. Оношквич-Яцыны и Г. Фила. Переводы Михаила Фромана, волевые, литые. Позже — переводы К. Симоно-

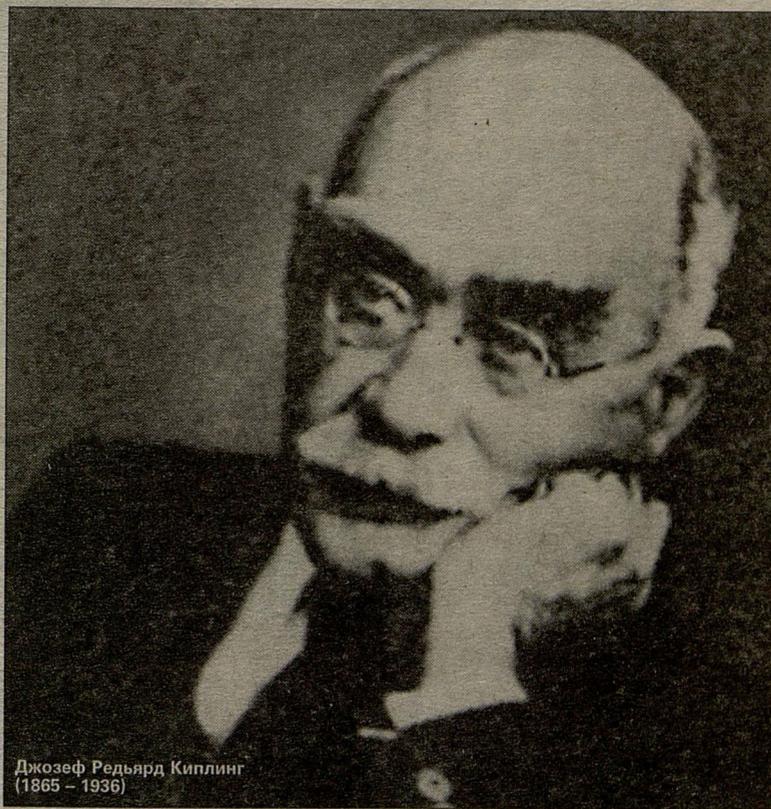
ва, надо признаться, недурные, за ними — собственный жизненный опыт: «Глены и трусов, и храбрецов Жуют без лишних затей, Но они не пятнают имен мертвецов: Это — дело людей». Я не люблю Маршака, но мне кажется, было бы справедливо дать больше его переводов (и не загонять в комментарии).

О слабых переводах говорю с искренним огорчением, ибо понимаю, что работа над этим изданием проделана большая. Но какая-то звуковая бедность, неуверенность во владении стихом, превратное представление о русской рифме. И если даже некоторая условность рифм порой бывала и в оригинале, то это иная приблизительность. И другая мощь, стоящая за строчками... Нельзя не заметить, что в современных переводах Кипплинг (по природе заземленный и просторечный) стал еще более простецким, пригнетенным к земле. Не хватает вскрика, всплеска, лирического взлета Полонской:

*На дороге в Мандалей,
Где стоянка кораблей...*

Лучшие переводы из Кипплинга стали частицей русской поэзии XX столетия. Но неизмеримо важнее присутствие самого кипплинговского духа в произведениях самых разных русских поэтов. Поздний Гумилев с Кипплингом слегка соприкоснулся, как родственное явление. Тихонов, прямой гумилевский ученик, испытал воздействие, все более крепнущее с годами. Можно сказать, что жизнь его прошла в восхищенной, непрерывной (хоть и неравной) борьбе с Кипплингом. Ранний интерес к заповедным странам, к некоторым темам совпал с восторгом перед ритмами, найденными англичанином, перед бесстрашной резкостью отрывистой лексики. Без Кипплинга не было бы ранней (талантливой) прозы Тихонова, Каверина, Вс. Иванова, памирских повестей Лукницкого.

Помимо «серапионов», Кипплинг повлиял на конструктористов — Багрицкого, Сельвинского и особенно — Луговского. Это было преобразование русского стиха. «Носком сапога покачывая одинокий патрон на полу, Нетвердыми жирными пальцами он поднял пиалу». Строки из бессмертного стихотворения Владимира Луговского о допросе пленного басмача. Стихи дышат ненавистью к врагу, и нет здесь кипплинговского братства «сильного и сильным», преодолевающего несовместимость Запада и Востока. Здесь, должно быть, проявилась и общекомсомольская злоба к незримой Британии,

Джозеф Редьярд Кипплинг
(1865 – 1936)

которая предположительно (для сбережения Индии) антибольшевистские набегу подпитывала... И все-таки в рисунке и в ритме больше Кипплинга, чем в самых эффектных переводах.

Свое в Кипплинге обрел великий Клюев. И его наследники — Прокофьев, позже — Николай Тряпкин и наш современник Ю. Кузнецов. Не пренебрегаю этой линией лирики. У Кипплинга чему-то научились и Павел Васильев, и Сергей Марков, и Леонид Мартынов, и Ярослав Смеляков, и Сергей Подделков. Ну и мелкие эпигоны гумилевской романтики: Симонов, Сурков. Стоит упомянуть мистификацию Вл. Лифшица, написавшего стихи от имени англичанина, воевавшего на Западном фронте. Кипплинг впервые в мировой литературе высказал так много солдатской, окопной правды. И потому стал близок нашим стихотворцам, побывавшим на Отечественной войне. Назовем наиболее значительного из ее певцов — Борис Слуцкий... Многоликий и долго живший Кипплинг изобразил не только мужество и величие тружеников войны, честно сделавших свое дело, но и показал своих героев в послевоенном быту — униженными и ненужными.

В 60-е годы у нас раздался звуки незнакомого регистра: возникла поэзия Окуджавы, который называл Кипплин-

га одним из своих учителей. Пожалуй, следующее поколение отечественных бардов испытало еще более сильное давление иноземной традиции — Высоцкий, всенародный любимец, намного больший и более пронзительный поэт, чем салонно-эстрадный Окуджава, дал новую модификацию русифицированного кипплинговского стиха. Между тем иные, далекие от гитарного звона интонации вечного англичанина прозвучали у Бродского и Рейна... Все ли упомянуто? Что-то ведь обязательно забудется — много Кипплинга в русской поэзии. Кровно связанный и с Писанием, и с действительностью Кипплинг не устареет. И вот почему-то «Мери Глостер» вспоминалась в недавние горькие дни гибели атомхода «Курск».

Англия Нельсона и Лоуренса, Родса и Кипплинга ушла. В последний раз вдохновляющий ветер от ее старого морского флага подул, когда героическая «железная леди» отставала Фолкленды от аргентинских фашистов. Англия разлюбила свое прошлое и превращается в андерсеновское кукольное герцогство. Помню, с каким недоумением услышал один мой знакомый лорд, собиратель соцреалистических полотен, о моем преклонении перед Черчиллем и Кипплингом. Что ж, для охлаждения были причины... А мы все

еще переживаем расставание с собственной империей, может быть, еще более болезненное. Все так свежо, и не все кровеносные нити перерезаны. Некогда по Средней Азии шли вагоны с открытым верхом, как в Британской Индии, но Туркестан стал для русских родиной, а не колонией... Еще недавно напрасно грохотало наше танковое железо, нависая на Пешаваром, и там еще и сейчас беспокойно и грозно.

Любовь к Кипплингу давняя. В воспоминаниях о приятеле молодости Куприне писал Бунин: «...критики не раз сравнивали его самого с Кипплингом. Сравнивали, разумеется, неудачно, — Кипплинг возвышался в некоторых своих вещах до подлинной гениальности...» А ведь он еще и бесподобный детский писатель. Он привлекает все возрасты и поистине усыновлен Россией...

Пленяет нас и неповторимо кипплинговский юмор. Умиравший англичанин говорит слугам-мусульманам: «Дети мои, я вас покидаю и вечером буду знать, кто был прав, Моисей или Мухаммед»...

Англия не отреклась, но в сытой повседневно равнодушно отступилась от Кипплинга. Понятно, что Кипплинг связан неразрывно со второй своей родиной, Индией. Не так давно я побывал в Гималаях и вошел в неменяющийся пейзаж, переданный в «Чуде Пуран Бхарата» глазами отшельника так верно и подробно, как будто бы сам автор провел в горной пещере десятилетия. Еще немало в тех горах могил индийских схимников, подобных кипплинговскому.

В роскошных имперских вещах Кипплинга много и «pro» и «contra», они и «за» и «против» империи. Когда-то К.Г. Паустовский потряслся величиной дарования и ужасался «империализмом» английского писателя. Но весь смысл знаменитой баллады о Западе и Востоке — в опровержении первых строк, ставших расхожей формулой. Мужество соединяет несовместимое и создает равенство. Усилия англичан в Индии все же не были бесплодными. На кипплинговское желание освоить и познать непостижимую страну индийцы через век ответили (в творчестве Салмана Рушди и других) постижением Англии, английской культуры. Ушел в забвение европейские хищники, авантюристы, дельцы. Но стоят под экваториальным солнцем памятники строителям дорог, больниц, фабрик, ученым, подвижникам. Их изваяния и сейчас украшаются ожережьями из живых цветов.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ